

УДК 1(091)

А. ДАНТО: НАРРАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ МИРЫ¹

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается теория исторической наррации А. Данто. Особое внимание уделено его трактовке структурной организации исторического повествования и роли объяснения в его конституировании. Раскрывается специфика поворота Данто к проблеме парадигмальной обусловленности наррации и множественности исторических миров.

Ключевые слова: *исторический реализм, наррация, нарративные предложения, инструментализм, презентизм, «охватывающие законы», историческое объяснение, парадигмы, исторические миры.*

С именем Артура Данто (1924–2013) связана разработка одной из наиболее значимых теорий исторической наррации, характерных для исканий в этом направлении представителей англо-американской аналитической философии истории. Попытавшись представить специфику познания минувшего, он заговорил о том, что прошлое характеризуется специфического рода эпистемологическими, логическими и лингвистическими процедурами его фиксации, которые слиты воедино и в значительной степени отличаются от дисциплин, запечатлевающих свой объект в сугубо синхронном измерении. Одновременно, с его точки зрения, можно обнаружить и определенные черты родства в постижении предметности теоретико-синхронного и диахронного плана, свидетельствующие о единстве познания, несмотря на существование векторной разнонаправленности познавательного процесса. В отличие от теоретиков континентальной европейской философии, обращавшихся к проблематике исторического познания, Данто на протяжении всей своей философской карьеры оставался приверженцем аналитической методологии, которая, на его взгляд, позволяет в отчетливой рационально-логической форме дать дескрипцию любых проблем не только научного, но и практического отношения к миру. Это, однако, отнюдь не означало того, что он был «закрыт» для той проблематики, которая составила содержание постклассической европейской мысли, заставляя по-новому видеть различия в постижении естественно-природных и социокультурных феноменов. Биографы Данто неустанно подчеркивают влияние на его мысль тематического слоя рассуждений, связанных не только с идеями аналитической философии и прагматизма, но и с осмыслением проблем, поставленных на повестку дня Ф. Ницше и Ж.-П. Сартром. Сам Данто неустанно отмечал в своих книгах и интервью важность аналитического переосмысления подхода к историко-культурным феноменам, предложенного в границах философии жизни и экзистенциализма. Парадоксальным образом сочинения Т. Куна стали для него значимым уроком культурно-исторического подхода к

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047.

любимым результатам человеческой деятельности, в том числе и к истории как области гуманитарного познания. Аналитический взгляд на историю после знакомства профессиональной общественности с идеями куновского рассмотрения механизма появления фундаментальных научных теорий, по мысли Данто, не мог оставаться прежним, ибо стало ясно, что, подобно научным представлениям, историческое знание рождается в границах различных парадигм и коррелятивных им способов мировидения.

Специфика нарративной организации исторического познания

Отличительной особенностью постижения исторических событий и способа описания таковых является наррация – повествование о случившемся во времени и имеющем отношение к настоящему. Обращение к истории неминуемо заставляет задуматься о том, что парадоксальным образом прошлое, о котором намеревается поведать изучающий его субъект, становится таковым только при установлении его связи с настоящим, открытым для будущего. Рассказ, таким образом, устанавливая нить взаимосвязи между минувшим и настоящим, выступает способом организации знания и описания событий, вершащихся во времени. Вне ткани наррации не может реализоваться постижение истории: нарратив по сути служит селекции значимых исторических событий, достойных сохранения. Проблематика нарративной организации знания об истории при всей своей очевидной центральности для понимания его отличительных черт отнюдь не сразу утвердилась в качестве лидирующей, объединяющей вокруг себя все остальные логико-эпистемологические сюжеты в границах англо-американской аналитической философии истории. Все дело в том, что изначально философы-аналитики воспринимали вопросы эпистемологии исторического познания прежде всего под углом зрения тех сюжетов, которые сложились в поле обсуждения тематики, предложенной логическим позитивизмом. Отсюда и повышенный интерес в 1950 – 1960-е гг. в творчестве англо-американских философов истории к проблематике так называемых «охватывающих законов», модели их интерпретации, представленной в сочинениях К. Поппера и К. Гемпеля. Движение мысли сторонников англо-американской философии истории от обсуждения генерализаций и их роли в историческом исследовании к видению этой тематики в контексте нарратива сложилось отнюдь не сразу и было связано с рядом факторов.

Во-первых, решающую роль в этом процессе сыграл, конечно же, возрастающий интерес философов аналитической ориентации к лингвистической философии Л. Витгенштейна, позволяющей рассмотреть наррацию как специфический тип языковой игры, обладающий особой организацией [2; 3; 7]. Во-вторых, несомненно «сработало» также освоение проблематики прагматизма и неопрагматизма, предполагавшее видение истории в перспективе праксиса и его целей. В-третьих, в среде философов-аналитиков немаловажным импульсом, стимулировавшим переход к нарративистской модели трактовки исторического познания, стало освоение наследия Р.Дж. Коллингвуда. В-четвертых, нарративизм так или иначе, как констатируют многие англо-американские авторы, испытал и влияние континентальной «понимающей» модели философии истории в её различных формах и проявлениях.

Все вышеназванные обстоятельства сыграли свою роль и в становлении специфического варианта теории исторической наррации, созданного А. Данто. Этот автор, по его собственному признанию, формировался первоначально под

влиянием идей и методологического инструментария логического позитивизма и воспринял многие положения философии Э. Нагеля. При обращении к вопросам исторического познания он изначально воспринял и впоследствии синтезировал в границах своих нарратологических штудий модель исторического объяснения К. Поппера-К. Гемпеля [6, с. 252]. Одновременно для Данто оказались притягательными идеи прагматизма в изложении С. Хука. Среди классиков прагматизма его особую заинтересованность вызвали положения философии Ч.С. Пирса и Д. Дьюи [1, с. 111]. Знакомство с постклассической европейской философией заставило Данто задуматься о позитивном звучании идей философии жизни (Ф. Ницше) [5, с. 95], феноменологии, экзистенциализма (Ж.-П. Сартр), герменевтики. Занимаясь спецификой исторического повествования, он открыл для себя глубину построений Т. Куна, разрабатывавших теорию парадигм знания и предполагаемую ею установку на множественность и историчность коррелятивных им миров. Не только фундаментальные теоретические модели, создаваемые в науках о природе, но и парадигмальные представления истории оказались осмысленными и проверяемыми применительно к подобного рода мирам. История вторглась в святая святых теоретического мышления, показав конвенциональность и релятивность его оснований. Все эти идеи способствовали становлению и развитию нарративистской доктрины Данто.

Данто полагал, что развиваемая им сеть нарративистских представлений об истории в принципе вполне согласуется с реалистической познавательной установкой, которая предполагает референтность некоей реальности прошлого, которая, как он показал, немыслима вне соотнесения с моментом настоящего. Реальность исторического становления, репрезентируемая нарративом, оказывается заданной событийной цепью, вершащейся в потоке времени. Подобного рода реализм оказывается по определению содержащим значительную дозу критико-конструктивистских основоположений, так как изначально предполагает, что нарратив создается усилиями воображения субъекта и не является неким «слепком» с действительности. При этом, следуя логико-позитивистской установке, Данто отождествляет осмысленность тезисов, составляющих нарратив, и их значение с возможностью верификации. «Осмысленность, истолкованная как верифицируемость, – пишет он, – не зависит от истинностного значения, от отношений референции и от времени произнесения предложений» [4, с. 65]. Если принимается такое определение осмысленности как верифицируемости, на повестке рассмотрения, как подчеркивает автор, остается вопрос о способе осуществления таковой относительно значений предложений, обладающих формой времени. Вкратце вопрос сводится к следующему: какой опыт позволяет верифицировать наши высказывания о прошлом, о том, что уже не существует. Эта проблема, как полагает Данто, фундаментально представлена в сочинениях К. Льюиса и представителей прагматизма в целом. В её формате следует определить значимость временной формы предложения в её отличии от выраженного в нем предметного содержания. Еще Кант подчеркивал, что время не дано в опыте, а является формой и предварительным условием такового. Сама по себе эта проблема, по Данто, находится и в фокусе изучения Витгенштейна, когда на страницах «Логико-философского трактата» он задумывается над различием выражения в языке отношения между языком и тем, о чём он повествует. Если акт говорения выражает некое отношение между обсуждаемыми предметами, то это приводит к разрушению самого отношения между языком и миром [там же, с. 66]. Референция не мо-

жет рассматриваться как часть языка, но части языка – важное звено отношения референции. Прагматизм осуществляет попытку включения всей реальности в опыт, неотрывный от языка. Данто полагает, что вполне логичным было бы утверждать, что формы времени в финальной инстанции не стоит рассматривать как части предложений. Эти формы, на его взгляд, можно трактовать как выражение того, что некое утверждение является в настоящий момент, было или может в будущем предстать как истинное. В этом плане Данто считает возможным говорить о том, что сама возможность разнообразных истинностных оценок предложений выражает в экзистенциальном плане способ бытия человека во времени. При этом сохраняется еще и дилемма осмысленности и верифицируемости исторических событий: принципиально осмысленные события не всегда могут быть эмпирически подтверждены даже потенциальными свидетелями во времени вследствие операциональной неверифицируемости многих явлений (например, начала Ренессанса).

Существование событий во времени, как подчеркивает Данто, в принципе может быть сюжетом глобального скепсиса: никакие логические аргументы не могут быть препятствием для того, чтобы мы не могли прийти к утверждению, что мир в его известных нам чертах диахронного существования возник всего пять минут назад. Принятие этого тезиса рисуется ему уравнивающим в правах воспоминания о минувшем и воспроизведение такового в воображении, что должно также повести к утрате разграничения исторического повествования и художественного рассказа об определенных событиях. Опасность такого рода мыслительного хода оказывается очевидной не только в девальвации опыта истории, но и в провокации утраты ответственности человека за свои поступки, что немаловажно для политико-правовой регуляции общественной жизни [там же, с. 73]. Этот аргумент выглядит, по Данто, гораздо более разрушительным по своему мировоззренческому эффекту нежели предположение о возможном исчезновении мира через пять минут. Наш язык, и в этом Данто безусловно прав, содержит значительное множество предикатов о прошлых событиях, и оказывается, что не только наши высказывания о прошлом при отрицании такового становятся ложными, но и многие наши высказывания, приписывающие предикаты, отнесенные к прошлому, объектам настоящего, также станут ложными [там же, с. 78]. Представление о причинности в его юмовском прочтении, по мысли Данто, дает нам шанс говорить о важности прошлого для установления временного порядка, имеющегося в нашем мире, хотя американский автор многократно повторяет, что в чисто логическом плане доказать ложность допущения о возникновении мира всего лишь пять минут назад не представляется возможным.

Значимость допущения реальности, фиксируемой предложениями о прошлом, по Данто, можно интерпретировать в инструменталистском ключе. Прошлое, фиксируемое в предложениях, которые Данто определяет как сопряженные с процессом наррации и выражением временной связи следования событий, оказывается важным для организации опыта настоящего. Открыто замечая, что он использует в этой связи философскую платформу Д. Дьюи, Данто одновременно акцентирует новизну собственного подхода. Он пишет, что именно ему принадлежит приоритет инструменталистского истолкования исторических суждений [там же, с. 82]. Одновременно он подчеркивает, что исторические повествовательные суждения в инструментальном плане схожи с теоретическими положениями наук, по преимуществу моделирующих природные процессы в синхронной

плоскости. Теория не теряет при этом способности быть не только прагматически полезной, но истинной по своему содержанию. Аналогичное свойство может, по Данто, рассматриваться как присущее нарративным предложениям, способным быть прагматически полезной формой организации опыта настоящего и одновременно нести истинное содержание.

Суждения о прошлом, как полагает Данто, несут возможность исторического релятивизма. В данной связи он обращается к рассмотрению презентистских воззрений Ч. Бирда, которые связаны с утверждением о невозможности непредвзятого прочтения свидетельств минувшего. Можно согласиться с тем, что рассмотрение чего-либо как свидетельства уже предполагает знание того, что оно, будучи избранным нами, должно подкрепить. Свидетельство ищется в момент настоящего для подкрепления в варианте исторического мышления определенно-го суждения о минувшем, сопряженном с событийно состоявшимся. Данто заявляет в этой связи, что можно уподобить объекты наличного мира словам, а их историческое употребление – чтению. Умение связывать настоящее с минувшим как раз и конституирует историческое отношение к миру. Отсутствие представлений об истории может мешать увидеть в исторических реликтах именно то, что они собой представляют, сводя их просто к неким вещным образованиям. Именно поэтому «с языка времени нельзя переводить при помощи словаря, нейтрального в отношении времени» [там же, с. 92]. Само представление о прошлом действительно рождается вместе с освоением языка, многие предикаты которого указывают на минувшее. Данто полагает нереальным существование опыта, который был бы независим от времени, и такого рода утверждение выглядит подкрепляемым реалиями существования языка. Он корректирует Бирда, говоря, что не только настоящее влияет на восприятие прошлого, но и прошлое оказывает воздействие на наше восприятие настоящего. В рассуждениях Бирда, по справедливому замечанию Данто, высвечиваются действительно многие важные характеристики исторического познания, но это обстоятельство отнюдь не должно – и в этом опять с ним можно согласиться – свидетельствовать о большей релятивности в познании прошлого, нежели в науках о природе.

Бирдовское понимание наук о природе в духе объективизма служит отправной точкой презентистской гиперрелятивистской трактовки истории [8] Данто справедливо видит в Бирде носителя бэконовского истолкования науки как способной к созданию непредвзятого изучения природных феноменов после избавления от одолевающих её «призраков» [10, р. 101]. Однако такой науки, по его верному замечанию, никогда не было и она не будет существовать. В науках о природе, вопреки Бирду, несмотря на их эмпирическую фундированность, присутствует момент конструирования картины реальности на базе определенного набора теоретико-методологических и мировоззренческих предпосылок. В них также содержится релятивный компонент как характеристика результата знания. Если же брать построения историков, то они (и в этом Данто вполне солидарен с У.Г. Уолшем) так же, как и их собратья естествоиспытатели, но руководствуясь иным набором предпосылок видения изучаемых реалий, конструируют изучаемую предметность. Данто близки многие моменты не только бирдовского подхода, но и ницшеанского перспективизма, но он совершенно резонно не видит оснований противопоставлять историю и науки о природе по «градусу» их способности релятивизации результатов познавательного процесса. Релятивность – их об-

щая черта, но она в особом варианте представлена в повествовательном способе организации исторического знания.

Историческая наррация как способ постижения и репрезентации диахронно данной реальности минувшего существенно отличается от постижения естественно-природной сферы. Вслед за Б. Кроче Данто различает историю и хронику. Однако его понимание их несходства отличается от крочеанского. Для Кроче хроника – неактуализированная контекстом современности фиксация произошедшего во времени, тогда как история – видение значимой цепи событий в свете задач современности. Констатируя, что различие хроники как «простого повествования» о случившемся и значимого повествования о некоторой избираемой рассказчиком цепи событий не лишено смысла, Данто одновременно подчеркивает, что это все же разграничение внутри истории как некоего целого. Хроника как простая история и значимая история, следовательно, едины в пределах того, что именуется им историческим рассказом – наррацией.

Историческое сочинение, как верно подмечает Данто, должно не только сообщать об имевших место событиях, описывая их в том порядке, в каком они произошли, и объясняя их, хотя названные характеристики принадлежат к числу необходимых его характеристик. Чтобы именоваться таковым, ему надлежит также обладать еще одной необходимой чертой, сообщающей достаточность вышеперечисленным свойствам: целостным описанием определенного выделенного историком по избранным критериям множества значимых событий.

Вступая вновь в полемику с Бирдом, Данто говорит о том, что ни одно историческое повествование по сути не может, да и не должно дать описание всех событий определенного свойства, которые принадлежат к изучаемому периоду, обозначенному проблемой исследования. Требовать подобной полноты было бы столь же абсурдно, как предлагать гипотетическому пейзажисту включить в картину изображаемого ландшафта все, что потенциально доступно его визуальному восприятию в конкретной ситуации. А если так, то вряд ли можно жестко противопоставить хронику и значимый рассказ о событиях минувшего, так как они могут противопоставляться лишь как простое и более продвинутое историческое повествование.

У. Уолш полагал, что хроника лишь фиксирует интересующий нас ход смены событий, тогда как значимое повествование к тому же и предполагает их объяснение. С точки зрения Данто, такое разграничение не лишено смысла, но при этом стоит помнить, что оба типа повествований производят селекцию событий в свете избираемых критериев их построения. Стоит помнить, на его взгляд, что повествование может опираться на концептуальные источники, способные задавать его ход, а также на документальные, прямо не позволяющие это сделать. В любом случае требуется сочетание двух типов источников. Концептуальные источники в их содержании должны корректироваться документальными.

Что же касается способа отбора событий, конституирующих повествование, то, по мнению Данто, он диктуется основаниями, которые избираются историками. К числу таковых, на его взгляд, можно отнести следующие: выбор события повествования диктуется его прагматической и моральной значимостью; цепь событий повествования может иметь значение для историка в плане иллюстрации принимаемых им теоретических построений; канва повествования будет выстраиваться в свете последствий определенного события или совокупности таковых для последующего исторического развития; повествование осуществляется как поиск значе-

ния имеющихся и потенциально возможных источников при опоре на абдуктивный вывод, позволяющий устанавливать связи аналогии [10, р. 132–136]. При этом Данто отнюдь не настаивает на абсолютной справедливости собственной схемы, говорит о возможности совмещения вариантов построения цепи значимых событий. Например, вариант 3 может быть, на его взгляд, частным случаем 4, а также могут совпадать варианты 2 и 4. В конечном счете для него важна сама идея о возможности разнообразных сценариев организации значимого повествования, в котором присутствует всегда отбор событий, о которых хочет рассказать автор.

Размышляя о нарративной структуре исторического знания, Данто приходит к мысли о том, что специфика такового выражена в предложениях, запечатлевающих знание о прошлом. «Наиболее общая их особенность состоит в том, что они содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, хотя описывают более раннее из этих событий» [4, с. 139]. Все это означает, что в конечном итоге нарративные предложения содержат определенную корреляцию между событиями, которые рассматриваются повествующим о них во временной перспективе. В данной связи он полемизирует с той позицией, которая выражена Ч.С. Пирсом в письме к леди Уэлби и предполагает завершенность и неизменность прошлого в отличие от открытости будущего. Данто, резюмируя свою позицию, подчеркивает, что особенностью нарративных предложений является всегда их референция по отношению к более поздним событиям, запечатлеваемым с точки зрения настоящего [11, р. 146–179]. Так, например, даже, казалось бы, простая констатация, содержащаяся в предложении «Тридцатилетняя война началась в 1618 г.», несет информацию о продолжительности этой войны, а следовательно, отсылает косвенным образом к моменту её завершения, предполагающему ретроспективную оптику видения этого важного события. Сказанное возвращает нас к принципиальной для Данто позиции, что прошлое всегда явлено в повествовании сквозь призму настоящего.

Нарративность, по верному замечанию Данто, оказывается невозможной при пристальном анализе допущения «абсолютной хроники», которая обладала бы способностью отображать всю полноту события, свершившегося в прошлом. Действительно, если допустить, что историк способен в абсолютной синхронии запечатлеть все грани «скринируемой» им предметности, то окажется, что его повествование «выпадает» из потока времени и рассказать о потенциально постулируемой полноте изучаемого феномена нельзя. Для этого надо обратиться к некоей точке селекции материала, необретаемой в абсолютном миге вечности. Конечно же, выбор основания описания автоматически возвращает к тому, что было во времени за рамками постулируемого мига синхронии, несовместимого с историей как таковой. Вообще «подключение» ко времени диктуется неминуемой референцией к тому, что случилось после момента синхронии. Рассуждая таким образом, мы вынуждены отбросить возможность представить «абсолютную хронику», а значит реставрируется в своих правах идея нарративности как постоянной связи события прошлого и настоящего. В этой связи дантовской постановке вопроса вполне созвучна идея неограниченного семиозиса Пирса.

Объяснение в контексте наррации и идея парадигмальности знания об истории

Опубликовав свои наиболее значимые произведения, касающиеся теории исторического повествования, Данто задумался над перспективой дальнейшей

эволюции аналитической философии истории. В коллективном труде «Новая философия истории», появившемся в 1995 г. под редакцией Ф. Анкерсмита и Г. Келлнера, он публикует программную статью «Упадок и падение аналитической философии истории». Само её название с очевидностью отсылает читателя к известному произведению британского историка XVIII-го в. Э. Гиббона «История упадка и крушения Римской империи», иронически уподобляя глобальные устремления и финал Римской империи амбициозности и грядущему крушению аналитической философии истории. Данто пишет в этой статье, что по сути за последнее десятилетие в жанре аналитической философии истории не встречается произведений, которые содержали бы новые конструктивные идеи, а среди стоящих статей по этой тематике лишь одна попадает среди тысячи рукописей, представляемых в солидные философские периодические издания. Даже если сказанное им содержит преувеличение, то все равно солидный автор его калибра не стал бы просто заявлять об упадке этой философской дисциплины, не имея на то значимых оснований. Поэтому стоит прислушаться к приводимым им аргументам, констатирующим падение продуктивности сочинений философов, специализирующихся в жанре аналитической философии истории.

Свои рассуждения о кризисе философии истории аналитического типа Данто обосновывает в свете критики сложившихся в её формате представлений о взаимосвязи объяснения и эмпирии в контексте исторической наррации. В своих наиболее крупных произведениях Данто исходил из идеи совместимости построений К. Гемпеля, касающихся логики исторического объяснения и созданных в базовом формате ещё в 40-е гг. минувшего века, с современными представлениями об исторической наррации. Однако появление трудов Т. Куна и М. Фуко стало значимым вызовом гемпелианским и его собственным, появившимся под их влиянием представлениям об этом процессе.

Данто полагает, что при всей специфике исторического повествования оно содержит в себе объяснительный компонент, который присутствует и в науках о природе. Наиболее состоятельная теория «охватывающих законов», как в одинаковой мере проявляющихся в комплексе наук о природе и социально-гуманитарном знании, на его взгляд, представлена в наследии Гемпеля [12, р. 22]. Этот философ рисуется ему наделенным в высшей мере даром критической переоценки собственных воззрений в свете полемики с другими авторами, однако он оставался на протяжении собственной профессиональной карьеры устойчиво привержен своему пониманию роли «охватывающих законов» в познании. В своих основных трудах Данто рассматривает его воззрения как позволяющие понять структуру организации нарратива в не меньшей степени, нежели строгого естественнонаучного знания. В истории, которую Данто причисляет к гуманитарному знанию и зачастую именуется «наукой о духе», реализуется специфика рассказа об индивидуальных событиях. Одновременно он не склонен соглашаться с У. Дрэм, который видит универсальный путь исторического понимания (*Verstehen*) в «проигрывании» духовно-мотивационного основания поступков субъектов действия, высоко оценивая творчество Р. Дж. Коллингвуда [ibid, р. 19]. Рациональная реконструкция исторических событий, воплощающаяся в повествовании, по Данто, вполне совместима с признанием значимости «охватывающих законов», организующих диахронную ткань такового.

Рассуждая о логике объяснения исторических событий на базе «охватывающих законов», Данто хорошо видит те трудности, которые возникают при

объяснении сугубо индивидуальных событий истории. Модель объяснения, которая превалирует в теоретическом классическом естествознании, предполагает строгую дедукцию «объясняемого» из «объясняющих» посылок, включающих предпосылочное суждение и закон. Однако очевидно, что номологические связи, служащие для объяснения событий истории, носят скорее вероятностный характер, отличаясь от динамических. Это сопряжено с тем, что они моделируют ситуации, сопряженные с деятельностью человеческих субъектов при определенных обстоятельствах. В этом случае следует скорее говорить о том, что в рамках индуктивно-вероятностной модели констатируется возможность появления событий определенного рода, а не выводится необходимость конкретного события. Данто справедливо не усматривает в этом обстоятельстве момента, дискредитирующего историю. Тем более что и в физических законах, которыми оперирует физика микромира, запечатлеваются также вероятностно-статистические связи. Весь вопрос лишь в том, что следует именовать «охватывающими законами» сообразно с представлениями К. Поппера и К. Гемпеля о номологических обобщениях, релевантных конкретным историческим ситуациям. Разделяя их представления о подобном рода номологических суждениях, Данто понимает под ними констатации норм поведения исторических субъектов в определенных условиях, которые звучат как своеобразные типологические трюизмы. Они выглядят как эмпирические типологии по характеру фиксации подразумеваемых ими связей и вряд ли способны притязать на статус теоретического знания. Если же теоретические законы такого порядка подразумеваются, то следовало бы указать на их конкретные примеры. При этом сразу же возникает вопрос, стремится ли сам историк обнаружить и эксплицировать такого рода законы или же он должен заимствовать их из арсенала иных дисциплин. Данто, занимаясь достаточно подробной логико-эпистемологической проработкой вопроса о статусе «охватывающих законов» в историческом мышлении, подробно к этому сюжету не обращается, отмечая лишь «инструментальность» и «нерефлексивное применение» подобного рода генерализаций.

Вопрос об объяснении событий, принадлежащих к историческому повествованию, с точки зрения Данто, предполагает осознание того момента, что еще одной важной логико-эпистемологической проблемой является их описание. В зависимости от свойств и отношений, запечатлеваемых в «объясняемом», можно говорить о релевантности избираемых в «объясняющем» номологических посылок. Если предложение, подлежащее объяснению, будет содержать дескрипции тех свойств и отношений, которые не обсуждаются в контексте избираемого «охватывающего закона», то очевидно, что подобная «избыточность» не даст возможности не только реализоваться дедуктивному варианту объяснения, но и рассуждать о возможности рождения определенного рода событий и связей. «Законы, которые, согласно подходу Гемпеля, неявно включены в типичные исторические объяснения, достаточно неопределенны в том смысле, что они подходят для любого числа качественно различных примеров» [4, с. 215]. Класс событий, которые охватываются ими, включает и нетождественные во всем примеры. Данто говорит о том, что историческое объяснение предполагает закон только при наличии «правил переописания», которые позволяют нам заменять имеющееся описание некоторого события более общим описанием. В этом случае, как показывает американский теоретик, возникает парадоксальная ситуация, когда одно и то же объясняемое может быть отнесено к различным историческим событиям,

им выражаемым. Это приводит к тому, что «одна и та же объяснительная процедура используется независимо от того, произошло на самом деле объясняемое событие или нет» [там же, с. 216]. Именно поэтому для процедуры наррации столь важны документальные свидетельства, позволяющие делать наше знание о прошлом конкретным. В противном случае, наше знание о минувшем могло бы оставаться столь же абстрактным, как и представление о будущем.

Отличительной чертой исторического повествования является то, что оно представляет собой некоторую целостность, рассказывающую о ткани событий, которые на временной оси обладают начальной и конечной фазами. Нарративная структура предполагает самождественность рассматриваемого объекта во времени. Поэтому, по Данто, автор исторического нарратива так или иначе бывает воодушевлен идеей показать, каким образом начальный фазис событий порождает некий финал, обладающий исторической значимостью. «Рассказ – это описание, а я бы сказал, объяснение того, как происходило изменение от начала до конца, при этом и начало, и конец являются частями экспланандума» [там же, с. 221]. При этом, конечно, цепь событий, описываемых во времени, может быть различной по своей продолжительности и сложности.

Рассматривая трансформацию исторического объекта от начального к конечному состоянию, по Данто, вполне резонным будет прежде всего попытаться обнаружить то событие, которое обусловило течение процесса к намечаемому финалу. Если повествование отмечено пребыванием в нем «охватывающих законов», то их присутствие отнюдь не означает того, что их обнаружение составляет цель историка. Данто убежден, и в этом с ним вполне можно согласиться, что номологический компонент исторического исследования как раз выглядит вспомогательным по отношению к конкретной канве событийного повествования. Дело в том, что историк на базе номологического знания, которое получаемо при опоре на уже имеющиеся разнопорядковые знания о конституировании схожих ситуаций, в состоянии предположить, что нечто подобное происходит и в интересующей его конкретике. Здесь зачастую работают традитивные умозаключения, апеллирующие ко всей совокупности его профессиональных и междисциплинарных знаний. На платформе «общих законов», напрашивающихся в данной ситуации, историк обнаруживает конкретные события, которые должны быть ими объясняемы и могут быть получены при обращении к источнику. Здесь ещё раз стоит вспомнить о том, что исторические обобщения, по Данто, носят вероятностный характер, а стало быть, ведут нас к своим возможным последствиям, которые зависят от описания событий и могут «выводить» на по-разному запечатлеваемую конкретику. Получается, таким образом, что номологический компонент исторического повествования «провоцирует» поиск релевантных фактов наррации, которые ему одновременно надлежит объяснить. «Охватывающие законы» остаются фоновым объясняющим компонентом наррации и могут эксплицитно быть не выражены в конкретной канве таковой.

Хотя общее знание, представленное в «охватывающих законах», трактуется Данто в качестве своеобразного «наброска» наррации в её конкретике, ему отводится роль объяснительно-конституирующего компонента таковой. Американский философ убежден, что объяснительный компонент живет в конкретном историческом повествовании и служит для его организации. Целостное изменение объекта должно, по Данто, состоять из ряда частных трансформаций, которые

можно представить как своеобразные звенья таковой, взаимосвязь между которыми будет упорядочена различными качественно и по степени генерализации номологическими связями. Поэтому он говорит о наличии «атомарных» и «молекулярных нарративах», о том, что последние представляют собой определенным образом упорядоченное множество первых.

Историческое повествование, по Данто, отнюдь не предполагает детерминистского видения содержания процесса, о котором ведется рассказ, несмотря на наличие номологических «скреп», которые задают возможность предположить существование определенных конкретных событий и предлагают одновременно их объяснение. В логическом плане эти номологические конструкции могут создавать определенные цепи, и даже возможно представить себе обобщение предполагаемых законов. В качественном плане он отнюдь не стремится привести пример хотя бы одного собственно исторического закона, который соответствовал бы его критериям такового, но и не исключает их открытия, которое будет опираться на обобщение известным людям опыта истории. Одновременно он постоянно говорит о том, что наличие номологического знания в фундаменте повествования отнюдь не ведет к историческому детерминизму и оправданию субстанциальных конструкций философского плана [там же, с. 241]. В этой связи у читателя Данто остается определенная озадаченность тем, а что, собственно, представляет собой теоретическая часть исторической наррации кроме того, что она есть некий набросок таковой в виде цепи номологических вероятностных конструкций. Ведь теоретическое знание так или иначе структурно предполагает опору на определенный понятийный аппарат, наличие идеализированных объектов, разнопорядковых принципов, которые разворачиваются в целостности теоретических законов и объяснений. Любая теория уходит своими корнями в метатеоретическое знание, которое, кроме норм и идеалов науки, картины мира, так или иначе не исключает определенной философско-мировоззренческой составляющей, отнюдь не предполагаемой аналитической философией истории Данто в её классическом варианте. Рисуя при опоре на построения Поппера и Гемпеля свое видение идеального логико-эпистемологического образа теоретического компонента наррации, Данто оказывается оторванным от практики историографии, различных способов построения истории.

Осознание этого противоречия идеальной картины построения нарратива и исторической парадигмальности практики истории пришло для Данто как результат прочтения основного труда Т. Куна «Структура научных революций», а затем и ознакомления с работами М. Фуко, посвященными истории научного знания и дискурсивным формациям в их диахронной смене. Именно поэтому он и заговорил о упадке и разложении аналитической философии истории. «Кун достиг настолько мощного понимания истории, что, в отличие от статуса прикладной науки, который приписывался истории Гемпелем, история предстала матрицей для рассмотрения всех иных наук» [9, р. 74]. Такой подход в одночасье, как констатировал Данто, стал своеобразной философской модой, заставив анализировать науку в перспективе не логики, а истории. Вместо создания докуновской идеализированной логико-эпистемологической картины научного знания как рассматриваемого в ракурсе надвременной структуры теории, её законов, эмпирических данных философия науки обратилась к динамике смены различных парадигм науки и предполагаемых ими

картин мира. Изучение науки, по Данто, под влиянием идей Куна и других теоретиков постпозитивизма, а также стратегии Л. Витгенштейна и постструктуралистского истолкования властных возможностей исторических сменяющихся форм дискурсивности М. Фуко трансформировалось в философию истории науки. В подобной ситуации не замечать новых задач философского теоретизирования значило бы уподобиться фигуре японского солдата, оставленного на тихоокеанском атолле и продолжавшего защищать его, не зная, что война закончилась много лет назад. Конечно же, такое изменение видения задач философии науки не могло не сказаться на трактовке Данто исторического повествования и его объяснительно-теоретического слоя.

Провозгласив многообразие парадигм научного знания, а следовательно, и коррелятивных им миров, Кун исходит из перспективы, которая демонстрирует, что мир Гемпеля и его критиков отнюдь не единственный. Само по себе признание радикальных построений Куна, как показывает Данто, должно привести к принятию тезиса о множественности способов исторической наррации, которые парадигмально обусловлены и содержат в качестве основания мировидения различные исходные точки зрения [9, р. 85]. История как дисциплина в подобной перспективе, как и естествознание, сама есть часть истории как процесса. Означает ли это, что многообразные наррации в формате несхожих парадигм будут всегда сопровождаться «охватывающими законами»? Данто отвечает на этот вопрос положительно, но при этом замечает, что сами подобные генерализации должны быть обусловлены различными «точками зрения», т.е. мировоззренческими установками. Не желая, как он говорит, углубляться в этот вопрос, Данто вынужден, подобно Куну и другим постпозитивистам констатировать значимость культурной обусловленности и философско-мировоззренческих оснований различных парадигм исторической наррации. К этому приводит его признание пишущих историю как «всецело исторических существ».

Признание значения парадигмальности исторического знания по сути должно было бы перевести рассмотрение вопроса о природе наррации в ракурсе изучения конкретных направлений и школ историографии с присущими им способами теоретической концептуализации и схематизации изучаемых процессов, многоуровневыми принципами, номологическими обобщениями, типами объяснений, укорененностью в метатеоретических предпосылках. Особо, конечно же, такого рода «смена ориентиров» должна была бы сопровождаться исследованием роли философско-мировоззренческих компонентов теоретического слоя наррации. Эта тематика лишь намечается в конце творческого пути А. Данто в качестве следующего шага развития его теории исторического повествования, но не получает полного развития в его собственных построениях, стимулируя искания других теоретиков аналитической ориентации.

Список литературы

1. Боррадори Д. Американский философ. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 204 с.
2. Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.

3. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2017. № 2. С. 165–177.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 290 с.
5. Данто А. Ницше как философ. М.: Идея-Пресс, 2000. 278 с.
6. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон-Плюс, 2010. 400 с.
7. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 44–55.
8. Beard Ch. A. Written History as an Act of Faith // The American Historical Review 39. 1933. № 2. P. 219–231.
9. Danto A. The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // A New Philosophy of History / ed. by F. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70–88.
10. Danto A. Narration and Knowledge. N.Y.: Columbia University Press, 1985. 437 p.
11. Danto A. Narrative Sentences // History and Theory, Vol. 2, No. 2. 1962. P. 146–179.
12. Danto A. On Explanations in History // Philosophy of Science. 1956. Vol. 23. №. 1. P. 15–30.

A. DANTO: NARRATION AND HISTORICAL WORLDS

C.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article is focused on A. Danto's theory of historical narration. Special attention is paid to his interpretation of the historical narrative structure and the role played by the explanation in its constitution. His turn to the paradigm determination of narration and plurality of historical worlds problem is discussed.

Keywords: *historical realism, narration, narrative sentences, instrumentalism, presentism, «covering laws», historical explanation, paradigms, historical worlds.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Author information:

ANUFRIEVA Carina Victorovna – PhD, Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: carina-oops@mail.ru